

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 232

Къ № 232

Воскресенье, 26-го октября 1903 года.

Покорение Сибири.

По принятому обычаю, день 26 октября признается днем покорения Сибири. Разумеется от завоевания Ермаком столицы Кучума Исскера (Сибирь) еще далеко было до завоевания всей страны; но этот факт взятия стольного города Кучума имѣлъ важное значеніе въ исторіи похода Ермака, такъ какъ знаменовалъ собою побѣду надъ сильнымъ врагомъ. Поэтому въ настольный день умѣстно остановиться какъ на самомъ походѣ Ермака, такъ и на личности завоевателя. До нашего времени дошли три главнѣйшихъ сибирскихъ лѣтописи, которая повѣствуютъ объ этомъ событіи: Строгановская, Есиповская и Ремезовская.

Въ Строгановской лѣтописи разсказывается, что Ермакъ былъ бѣглый казакъ, который разбойничалъ на Волгѣ. Убѣгая отъ преслѣдованія, онъ пришелъ съ товарищами въ пермскія вотчины Строгановыхъ, гдѣ и скрывался нѣкоторое время; затѣмъ Строгановы снабдили его необходимыми запасами, оружіемъ, дали ему 300 человекъ изъ своей вотчины и отправили завоевывать Сибирь, которая привлекала своими пушными богатствами. Ремезовская лѣтопись разсказываетъ совсѣмъ иначе. Въ томъ, что Ермакъ былъ бѣглый казакъ, который громилъ купеческія суда на Волгѣ, эта лѣтопись согласна со Строгановской; но въ дальнѣйшемъ изложеніи наблюдается разница. Ремезовъ пишетъ, что скрываясь отъ преслѣдованія, Ермакъ явился къ Строгановымъ и силою заставилъ ихъ дать себѣ все необходимое для похода въ Сибирь, „приступая къ Максиму (Строганову) гыломъ“, какъ выражается лѣтописецъ. Максимъ, страхомъ одержимъ, отворилъ свои амбары, день и ночь отвѣшивалъ запасы. Получить необходимое, Ермакъ „смирно“ удалился въ Сибирь. Изъ этого сопоставленія можно видѣть, что объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири обѣ приведенныя лѣтописи даютъ совершенно противоположныя извѣстія. Во всякомъ случаѣ, можно согласиться въ томъ, что Сибирь завоевана Ермакомъ на Строгановскія средства. Но это только до тѣхъ поръ, пока мы не познакомимся съ Есиповскою лѣтописью.

Эта лѣтопись, въ основу которой, какъ полагаютъ, положены записи архіепископа Кипріяна, повѣствуетъ, что Ермакъ завоевалъ Сибирь безо всякаго участія Строгановыхъ, а самъ и на собственные средства. Есиповская лѣтопись Строгановыхъ совсѣмъ не знаетъ.

Таковы лѣтописныя данныя объ участіи Строгановыхъ въ покореніи Сибири. Мы не безъ основанія остановились на этомъ обстоятельстве, такъ какъ оно служитъ типичнымъ примѣромъ противорѣчій между всеми тремя лѣтописями. Это противорѣчье не единственное; ихъ много и они касаются деталей похода, особенно же хронологіи. Будучи несходны въ разсказѣ одна съ другой, эти лѣтописи, съ другой стороны, противорѣчатъ грамотамъ и другимъ официальнымъ документамъ. До настоящаго времени всѣ эти источники еще не согласованы другъ съ другомъ, хотя кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано. Причина, задерживающая это согласованіе, заключается въ томъ, что до сихъ поръ не установленъ подлинный текстъ лѣтописей, существующихъ каждая въ нѣсколькихъ спискахъ (кромя ремезовской).

Припомнимъ главнѣйшія событія изъ исторіи первоначальнаго покоренія Сибири. На помощь Ермаку, какъ извѣстно, изъ Москвы былъ посланъ воевода Сем. Волховской и письменный голова Ив. Глуховъ съ отрядомъ войска. Этотъ отрядъ, зашедши въ далекую страну безъ достаточнаго запаса хлѣба вскорѣ же по прибытіи на мѣсто началъ голодать; люди умирали отъ голода; оставшіеся же настолько были

истощены, что не могли предпринять чего либо рѣшительнаго. Ермакъ въ это время принужденъ былъ выдерживать тяжелую борьбу съ мурзою Карачей, которому удалось объединить около себя туземныя татарскія и остяцкія племена. Послѣ смерти Ермака и воеводы Волховскаго, русскіе не могли удержать за собою новой страны. Оставшіеся служилые люди и ермаковы казаки подъ предводительствомъ Глухова покинули Сибирь и съ большими лишеніями отправились въ 1584 г. сѣвернымъ путемъ на Печеру, чтобы избѣжать преслѣдованій туземцевъ. Такимъ образомъ Сибирь на время была потеряна. Но въ 1584 году царь Федоръ Ивановичъ от-

дамы; но честь перваго похода и перваго завоеванія принадлежатъ Ермаку. Объ Ермакѣ какъ объ исторической личности мы знаемъ очень мало; мы можемъ только сказать, что онъ былъ бѣглый казакъ и первый покорилъ русской власти нѣкоторыя туземныя племена въ Западной Сибири.

По и этого было достаточно, чтобы память о немъ не умерла; память о немъ живетъ въ народномъ преданіи, которое надѣляетъ его всеми качествами героя-завоевателя. Вскорѣ послѣ смерти Ермака, о немъ уже начали складываться легенды. Мертваго Ермака, разсказываютъ ремезовская лѣтопись, татары положили на лабазъ, гдѣ онъ лежалъ 6 недѣль. Птицы не смѣли коснуться его, а оленята кругомъ. Затѣмъ къ тѣлу Ермака пришелъ Кучумъ съ мурзами, и они начали пускать въ него стрѣлы; изъ тѣла бѣжала кровь. Многимъ Ермакъ являлся въ видѣннѣхъ. Наконецъ, татары назвали его богомъ и похоронили по своему закону, а надъ его могилою появляется по временамъ огненный столбъ. Ермакъ нашелъ себѣ мѣсто и въ русской былинной поэзіи. Народная фантазія сдѣлала его современникомъ князя Владимира и товарищемъ Ильи Муромца. Всегда съ Ильей Ермакъ борется противъ поганыхъ. Въ одной былинѣ разсказывается, что Ермакъ спасаетъ стольный городъ Кіевъ отъ нашествія татарскаго царя Калина, когда даже самъ Илья Муромецъ не отважился вступить съ нимъ въ бой. Удаля этого былиннаго Ермака такова, что ее приходится останавливать силою. Ермакъ появляется также и въ борьбѣ съ Мамаемъ.

Отразилось въ народныхъ пѣсняхъ и самое завоеваніе Сибири. Въ одной исторической пѣснѣ передается, какъ въ славномъ городѣ Астрахани сходились удалы добры молодцы, донскіе славны атаваны казачіе. Въ числѣ ихъ находился и Ермакъ Тимофеевичъ. На совѣтѣ они рѣшаютъ отправиться въ Сибирь. Даже довольно подробно разсказывается о взятіи Сибири и о смерти Ермака. Онъ погибаетъ въ сраженіи съ татарами на Енисей рѣкѣ. Намѣреваясь перескочить въ лодку, Ермакъ оступился съ переходни.

И та переходня съ конца верхняго Подымалася и на него опупалася, Расшибла ему буйну голову И бросила ево въ тое Енисей быстру рѣку: Тутъ Ермаку такова смерть случилася.

И. Т.—въ.

Ермакъ. Скульптура Антокольскаго (находится въ музей Императора Александра III-го).

правилъ въ Сибирь воеводу Мансурова со 100 служилыми людьми и съ нѣсколькими пушками. Мансуровъ узналъ объ отступленіи Глухова лишь тогда, когда достигъ Иртыша. Не осмѣливаясь идти дальше, онъ предпринялъ походъ по сѣдамъ Глухова, и на р. Оби противъ устья Иртыша поставилъ небольшое укрѣпленіе, въ которомъ остался зимовать. Между тѣмъ Глуховъ, возвратившись въ Москву, объяснилъ положеніе дѣла, и въ помощь Мансурову было послано 300 служилыхъ людей подъ начальствомъ двухъ воеводъ Вас. Сукина и Ив. Мясного и письменнаго головы и Чукова. Этимъ воеводамъ пришлось вновь завоевывать Сибирь, но съ приходомъ ихъ русская власть уже прочно утвердилась въ краѣ.

Въ 1587 г. воеводы основали городъ Тюмень въ томъ же году гор. Тобольскъ, а съ прибытіемъ въ Тюмень новаго отряда въ 500 человекъ дальнѣйшее покореніе Сибири было обеспечено.

Изъ предыдущаго изложенія можно видѣть, что Сибирь была завоевана собственно воево-

26 Октября 1903 года.

Двадцать слишкомъ лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ сибирская интеллигенція въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей Петербурга, Москвы и сибирскихъ городовъ установила свой гражданскій праздникъ—26 октября, день присоединенія Сибири къ Россіи. Не господство грубой силы одного народа надъ другимъ, не торжество „вышей“ расы надъ „нижними“, праздновали интеллигентные сибиряки, а начало медленнаго и тяжелаго историческаго процесса для молодой обширной страны, которую триста лѣтъ тому назадъ кучка удалыхъ бродягъ привела „подъ крѣпкую руку московскаго государя“, а нынѣ группа интеллигенціи стремится вести по пути гражданственности и культуры.

Участникамъ перваго праздника приходилось переживать довольно грустное время. По словамъ одного оратора, Сибирь была всегдѣ богата, лишь однимъ бѣдна—просвѣщеніемъ. Она не имѣла тогда ни одного высшаго учебнаго заведенія; сибирская желѣзная дорога была еще въ отдаленнѣхъ промѣстахъ; мѣстная пресса только что нарождалась. Суды оставались при дореформенныхъ порядкахъ; ссылка деморализиро-

вала население, жалкие и беспомощные переселенцы „брели розно“, встряхивая лишь слабое сознание къ своимъ бѣдствіямъ.

Въ такое время группа сравнительно немногочисленной сибирской интеллигенціи, собравшись въ первый разъ на праздникъ, естественно желала подвести итоги культурнаго и духовнаго роста своей родины и наряду съ этимъ высказать тѣ пожеланія, которыя воодушевляли ее.

„Кто изъ насъ—сказалъ въ своей рѣчи на этомъ праздникѣ Н. М. Ядрищевъ,—связанныхъ съ краемъ всѣми симпатіями души своей, не сознаетъ жизненныхъ потребностей этого доселѣ печальнаго и забытаго края? Кто въ состояніи болѣе насъ почувствовать важность настоящей исторической минуты? Мы призываемъ пробужденіе Сибири всѣми силами нашей души! Судьба Сибири, при всѣхъ перебѣвахъ исторіи, была близка и дорога живущимъ въ ней, какъ связаннымъ съ ней узлами родства. Если обстоятельства не всегда позволяли намъ привести въ пользу ея нашу слабую помощь, то мы глубоко вѣровали въ ея лучшіе дни и будущее счастье“.

Воодушевленные этой глубокой вѣрой, участники перваго сибирскаго праздника высказались по многимъ кореннымъ вопросамъ сибирской жизни. Б. А. Милютинъ указалъ на необходимость сравненія гражданскаго и административнаго устройства Сибири съ остальной Россіей; сенаторъ Семеновъ—на связь русскаго народа съ сибирскими, а султанъ Вали-Ханъ на объединеніе инородныхъ элементовъ Сибири съ элементомъ русскимъ. Широкое и свободное просвѣщеніе сибирскаго населенія, открытіе университета и широкая помощь учащейся молодежи—признано было дѣломъ настолько неотложнымъ, какъ неотложна отмена ссылки и введеніе земскихъ учреждений и реформа суда. Сибирякъ Мейбаумъ предложилъ ходатайствовать объ учрежденіи изъ свѣдущихъ людей

стѣю проведено въ жизнь полностью, а болѣею частью предстоитъ исполнить еще въ будущемъ. Одни изъ нихъ уже сошли съ жизненной сцены, другіе—немногіе еще среди насъ, но самое цѣнное, что они намъ оставили, что они завѣщали молодому поколѣнію это—безавѣтная любовь къ родинѣ, любовь къ труду и знанію. „Если мы—сказалъ одинъ изъ ораторовъ праздника—подломленные жизнью или почему нибудь иному не сможемъ съ пользою потрудиться, то пусть наша надежда, наши дѣти, примутъ на-

ли чужестранцы въ болѣемъ городѣ среди народа, который не понималъ ихъ.

Съ тѣхъ поръ прошло почти четверть столѣтія. Жизнь сдѣлала свое дѣло; какъ ни медленно и трудно, но среди массы народилось грамотное и развитое поколѣніе, мало по малу собирающееся въ аудиторію. Поколѣніе это—средняго ридоваго обывателя, чуткое къ запросамъ жизни, стремящееся къ знанію, нуждается въ идейныхъ руководителяхъ. Оно уже научилось не только понимать своихъ руководителей, но и слѣдовать за ними.

И теперь болѣе чѣмъ когда либо нужны идейные интеллигентные работники, чтобы выполнить переданный завѣтъ и, соорудивъ новымъ требованіямъ жизни, нести знаніе и трудъ на благо родины.

Д. Г.

35-й рисунокъ изъ Кунгурской лѣтописи.

Покореніе Ермакомъ сибирскаго царства (съ картины В. И. Сурикова).

сибирской комисіи, которой представлено бы было право разсмотрѣнія заявленій сибиряковъ и ходатайства предъ правительствомъ о нуждахъ края...

Однако, всего обильнаго содержанія рѣчей и пожеланій невозможно въ настоящемъ случаѣ и исчерпать, да это и не входитъ въ нашу задачу.

Одно можно сказать, что люди того поколѣнія, къ которому принадлежали участники перваго сибирскаго праздника, старались исчерпывающимъ образомъ отвѣтить на тѣ запросы, которые выдвинула та эпоха. Многие изъ того, о чемъ они мечтали и чего желали, ча-

ше завѣщаніе—научиться, знаніе же и трудъ принести на благо родинѣ“.

Примемъ этотъ завѣтъ и будемъ помнить, что наши предшественники стояли въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ чѣмъ мы. Они были одиноки. Эта маленькая группа интеллигенціи, высокообразованная, гуманная, полная вслѣдствіе стремленій, хорошо понимающая окружающую ея жизненныя условія и борющаяся за элементарныя блага, которыхъ лишена была родина,—эта группа одиноко стояла и терялась среди малоразвитой, некультурной, неграмотной массы остальнаго населенія. Это были трибуны безъ толпы и ораторы безъ аудиторіи. Это бы-

праздника; на вечерѣ 26 октября сибиряки чувствуютъ себя обособленными отъ остальнаго русскаго міра, но историческія воспоминанія, соединенныя съ этимъ днемъ, превращаютъ праздникъ въ демонстрацію связи Сибири съ остальной Россіей. Конечно, ни малороссійскій праздникъ, ни сибирскій не грозятъ опасностью единству имперіи. Эти праздники воспитываютъ солидарность въ населеніи области, а областная солидарность облегчаетъ путь къ чувству солидарности въ болѣе широкихъ географическихъ предѣлахъ. Однако еще лица, которымъ хотѣлось бы, чтобъ въ нашихъ сердцахъ не жило другого чувства, кромѣ грандіознаго нерасчленяемаго

патриотизма, охватывающего всю территорию Чукотского носа до мыса Ай-Тодора. Отъ этого исторія сибирскихъ праздниковъ проходила не безъ перешоховостей.

Первые сибирскіе праздники какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Иркутскѣ, имѣли видъ обѣдовъ, и только впоследствии превратились въ музыкальные вечера, заканчивающіеся танцами. Такой характеръ сибирскіе праздники первоначально имѣли потому, что это были повторенія того обѣда, который былъ устроенъ въ день правзанія трехсотлѣтнія Сибиріи. Миѣ не довелось быть на самомъ первомъ сибирскомъ обѣдѣ; я попалъ только на второй или на третій въ Петербургѣ. Эти послѣдующіе обѣды, конечно, были не такъ многолюдны, какъ первый 1881 года. На нихъ собиралось только человекъ двадцать пять или тридцать. Молодежь отсутствовала, обѣды были не доступны ей по цѣнѣ. Оказались обѣды рѣчами на сибирскія темы; на томъ обѣдѣ, на который я попалъ, я припоминаю, говорили сибирскій литераторъ Н. И. Наумовъ, полковникъ Бирскъ, питомецъ омскаго кадетскаго корпуса, Дм. Ив. Менделѣевъ, профессоръ (уроженецъ Тобольска). Бирскъ говорилъ о тѣхъ услугахъ Сибиріи, которая ей оказали люди, занесенные въ нее немилостивой судьбой. Онъ подѣлился личными воспоминаніями о своемъ учителѣ полякъ Визниковскомъ, сосланномъ за польское дѣло. Это былъ хороший математикъ. Онъ, кажется, содержался въ томъ самомъ острогѣ, въ которомъ позднѣе отсиживали свой срокъ Достоевскій и Дуровъ. Въ Омскѣ о Визниковскомъ рассказывали, что онъ исполнивалъ стѣны своей тюрьмы алгебраическими вычисленіями. Впоследствии мѣстная администрація воспользовалась его знаніями и поручила ему руководство механической частью находившейся въ Омскѣ казенной суконной фабрики, а когда срокъ заключенія кончился, Визниковскій занимался даваніемъ уроковъ по математикѣ. Рѣчь Д. И. Менделѣева имѣла видъ небольшой замятки, вставленной мимоходомъ между рѣчами другихъ ораторовъ; онъ сказалъ въ ней, что присоединеніе Сибиріи къ Россіи не было нашествіемъ полчищъ, сопровождавшимся массовымъ истребленіемъ туземцевъ; скорѣе нужно охарактеризовать его, какъ занятіе края, совершенное служилыми людьми чуть не въ одиночку. Словомъ содержаніе рѣчей было мѣстное сибирское.

Впоследствии этотъ характеръ сибирскихъ праздниковъ не удержался. На тѣхъ же обѣдахъ, можетъ быть на самомъ первомъ, явилась мысль объ учрежденіи общества вспомоществованія учащимся въ Петербургѣ сибирякамъ. Общество было основано, но членскіе взносы составляли недостаточную сумму, неудовлетворяющую нужды учащейся молодежи. Въ этихъ цѣляхъ собранія на обѣды 26 октября замѣнили концертами съ танцами. Такимъ образомъ мѣстное духовное содержаніе исчезло на сибирскомъ праздникѣ. Сибирскіе вечера ни чѣмъ спеціальнымъ не отличались отъ другихъ подобныхъ вечеровъ, устраиваемыхъ съ благотворительной цѣлью; они не могутъ отличаться этнографическими особенностями, какъ вечера грузинскіе, польскіе, мадороссійскіе. Но все таки это моменты, когда члены сибирской колоніи въ столицѣ старые и молодые, писатели, инженеры, коммерсанты, чиновники, художники, студенты, курьестки сходятся въ одной залѣ. Позднѣе въ сибирской колоніи повлидалась мысль о возобновленіи сибирскихъ обѣдовъ, чтобы доставить случай для общаго мнѣнія по сибирскимъ вопросамъ; хотѣли устроить обѣды въ одинъ день съ вечеромъ 26 октября или для обѣда назначали другой сибирскій день, день сибирскаго святого Иннокентія; но желаніе это не было исполнено. Одни убоились расходовъ, другіе боялись возбудить лишній подозрѣніи.

Въ Москвѣ Общество вспомоществованія сибирякамъ, учащимся въ Москвѣ, также устраиваетъ благотворительный концертъ, но не пригоняетъ его къ 26 октября. Въ этотъ же день оно по старому обычаю ежегодно устраиваетъ обѣды.

Въ Иркутскѣ сначала устраивались обѣды, но потомъ, какъ и въ Петербургѣ, обѣды замѣнили концертами въ пользу мѣстнаго Общества вспомоществованія учащимся въ Восточной Сибиріи. На первоначальныхъ обѣдахъ говорились рѣчи, имѣвшія иногда мѣстное пикантное содержаніе. Издавна въ Иркутскѣ замѣчалось раздраженіе между сибирскимъ и несибирскимъ элементами въ интеллигенціи; подобное раздраженіе замѣчалось и въ другихъ сибирскихъ крупныхъ городахъ, но въ Иркутскѣ оно чувствовалось острѣе. Поводомъ къ такому немирному сожителству служило то обстоятельство, что въ прежд-

Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

Подчувшинскій мысъ около Тобольска.

нее время главные начальники всегда привозили съ собой на службу молодыхъ людей, навязанныхъ имъ въ столицахъ ихъ знатыми родственниками и покровителями; тѣмъ менѣе чувствовалъ себя начальникъ самостоятельнымъ, тѣмъ болѣе обремененнымъ являлся онъ въ край этимъ балластомъ. Успѣхи по службѣ этихъ молодыхъ людей, покровительствуемыхъ изъ столицы и нерѣдко безпутныхъ и къ службѣ негодныхъ, возбуждали въ нѣкоторыхъ сибирякахъ нехорошую зависть, но въ другихъ совершенно законное негодованіе гражданина. Человѣка прѣзжаго, если онъ не былъ подготовленъ въ Петербургѣ, сперва озадачивала встрѣча съ этимъ чувствомъ туземца, но серьезные люди сразу понимали, гдѣ источникъ раздраженія, и или относились спокойнѣе къ мѣстному обществу, мнѣнію или переходили на его сторону. Но другіе обижались и настраивались къ мѣстному обществу

враждебно, и это именно тѣ, которые ѣхали въ Сибирь или для карьеры или для наживы. Особенно были благоприятны для развитія этого раздраженія годы десятилѣтій съ 1875 по 1885 г., т. е. годы генералъ-губернаторовъ Фридрихса, Шелашникова и Алучина, когда покровительствуемые изъ Петербурга юности были особенно многочисленны. Раздраженіе между мѣстными и не мѣстными элементами не замедлило обнаружиться на сибирскихъ обѣдахъ въ Иркутскѣ. При преміи тѣ Алучина эти отношенія круто измѣнились. Новый начальникъ края отнесся съ уваженіемъ къ мѣстному обществу; выборъ вновь приглашенныхъ на службу въ край изъ столицъ отличался гораздо болѣе строгостью; были приглашены на службу серьезные работники, которые вошли въ дружескія отношенія съ лучшими мѣстными элементами для общей службы краю. Выходки и задирания, индужа сверху и раздражающія мѣстное общество, въ виду нерасположенности къ этому главному начальнику прекратились. Наступленіе новыхъ отношеній почувствовалось и на сибирскихъ вечерахъ; на одномъ изъ нихъ иркутскій городскій голова сказалъ рѣчь, въ которой старался отклонить отъ сибирской мѣстной интеллигенціи обвиненія въ безпричинной неприязни къ не мѣстному элементу; онъ указалъ, на заслуги передъ Сибирью лицъ, которые не были ей уроженцами и высказалъ увѣренность, что мѣстное общество питаетъ къ нимъ чувство глубокой благодарности. Это былъ послѣдній вечеръ стараго тина. Въ слѣдующемъ году сибирскій праздникъ въ Иркутскѣ, какъ и въ Петербургѣ, превратился въ благотворительный концертъ въ пользу Общества учащихся въ Вост. Сибиріи.

Конечно и въ это время антагонисты противъ мѣстнаго общества не исчезли изъ Иркутска, но они уже не чувствовали себя хозяевами иркутской жизни и если случалось имъ дѣлать безтактные поступки или говорить безтактныя рѣчи, то они проходили безъ послѣдствій. Когда въ городѣ шли разговоры о порядкѣ исполненія сибирскихъ праздниковъ, и когда стала въ обществѣ распространяться мысль о замѣнѣ дорогихъ ничего не приносящихъ обѣдовъ благотворительными концертами, очень можетъ быть, что антагонисты иркутскаго общества подхватили эту мысль и принимали мѣры, чтобы она восторжествовала, но, вѣроятно, это случилось бы и безъ ихъ помощи, на что указываетъ примѣръ сибирской колоніи въ Петербургѣ, состоящей изъ чисто сибирскихъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе кружокъ антагонистовъ преобразование иркутскаго праздника 26 октября называлъ своей побѣдой. Одинъ изъ самыхъ яркихъ членовъ этого кружка Н. И. Равскій, теперь уже покойный, при встрѣчѣ съ однимъ уроженцемъ края, только что вернувшимся на родину, по поводу сибирскаго праздника, имѣя въ виду его преобразование, похвалился: „А все таки мы взяли верхъ надъ вами“.

Эта рознь въ сибирскомъ обществѣ, въ настоящее время повидому совершенно прекратившаяся, была обусловлена нездоровыми условіями русской жизни. Это не было явленіе, исключительно сибирское. Въ основѣ его лежало критическое отношеніе провинціала къ отрицательнымъ петербургскимъ типамъ, распространенное вообще въ провинціи. Это протестъ провинціального общества противъ голевскаго Хлестакова, ревизующаго провинціи, противъ цедринскихъ ташкентцевъ и гулдичихъ людей. Въ Сибиріи обыкновенное общерусское явленіе получило спеціальную форму. Въ контингентѣ чиновничества не мѣстнаго происхожденія было много симпатичныхъ лицъ, но были и не симпатичныя. Эти послѣдніе нерасположеніе къ нимъ мѣстнаго населенія не могли иначе себѣ объяснить, какъ завистью и другими подобными дурными страстями. Отсюда выросло взаимное раздраженіе. Общ. партія грѣшила тѣмъ, что обобщала грѣхи противниковъ, грѣхи неимѣвшихъ ставили въ вину всему лагерю. Время поставило общ. партію въ надлежавшее положеніе. Съ одной стороны лица не туземнаго происхож-

деня так много сдѣлали для Сибири, съ такой преданностью ей послужили, что сибиряки не могут отказать имъ въ чувствахъ самой глубокой благодарности. Стоитъ вспомнить только о тѣхъ свидѣтельствахъ всеобщаго уваженія, которыя недавно получали отъ сибирскаго общества основатель минусинскаго музея Н. М. Мартыновъ. Съ другой стороны въ мѣстномъ населеніи поднялось пониманіе областныхъ интересовъ и человѣкъ, со стороны приходившій въ край съ добрымъ намѣреніемъ послужитъ ему, можетъ рассчитывать найти въ мѣстномъ населеніи среду, которая оцѣнитъ его безкорыстіе и вознаградитъ его своими симпатіями.

Г. П.

Надъ болотомъ.

(Эскизъ).

Описание, см. № 228.

IV.

На закатѣ солнца, яма и корыто были готовы... Дровосѣки отнесли сначала корыто къ ямѣ, такъ какъ тащить его вѣтвѣ съ тѣломъ было бы тяжело.

Мѣсто, выбранное Синицей, было довольно живописно. Это было небольшой пригорокъ, отбѣнный тремя высокими, лишенными вѣтвей болѣе чѣмъ до половины-соснами и уснащенное сѣро-желтыми иглами, сбѣгающихъ внизъ къ болотцу, листовицѣ. Съ одной стороны пригорокъ видѣлось большое темное болото; черные стволы стгнившихъ деревьевъ походила на рога какихъ то допотопныхъ чудовищ; ряды косматыхъ кочекъ глядѣли изъ болота и вѣтеръ шевелилъ ихъ темозеленыя космы; часть болота, благодаря разномасштабности облаковъ на небѣ,—блестала какъ озеро, другая была черна, какъ лужа черныя.

Съ другой стороны пригорокъ видѣлась низкорослая, но густая, непроходимая тайга, которой еще не касался топоръ дровосѣка; тамъ было темно въ солнечный день и въ лунную ночь; оттуда въ темной ночи доносились странные стоны и глухой шумъ, такъ пугавшій непривычныхъ жителей степей.

Яма была вырыта не глубоко. Среди зеленосѣрыхъ мховъ и кудрявыхъ букетовъ брусничника она зияла темной пастью и походила на беззубый искривленный смѣхомъ ротъ...

Туда спустился съ помощью веревки корыто съ тѣломъ, прикрыли его корой, и засыпали землей. Беззубый, искривленный смѣхомъ ротъ закрылся и поглотилъ земледѣльца, покинуваго родную деревню для заработка.

Дровосѣки молча засыпали землей яму, молча возвращались въ балаганъ.

— Комара сегодня что то густо! сказали мужикъ въ платкѣ.

А потомъ, подумавъ, прибавилъ:

— Вотъ кому не сдѣловало идти на заработки! Грѣхъ какой... Умеръ безъ исповѣди, безъ покая...

— Ну ладно ужъ! сказали староста артели. Принимайся за работу!

Они работали цѣлый день. Вечеромъ зажгли костеръ и ужидали. Все было какъ всегда, только вмѣсто пяти фигуръ, грѣлось у костра четыре... Луна показалась на небѣ и посеребрила кусты и лужи. Надъ чернымъ болотомъ закружились туманы и поползли надъ землею, цѣпляясь за кусты и кочки... Что-то огромное, сырое шевелилось въ воздухѣ, протгивало щупальца, ползло къ огню, гдѣ сидѣли дровосѣки, заглядывало имъ въ лица, прижималось къ ихъ плечамъ и грудямъ...

— Вдругъ на пригоркѣ послышалось протяжное стenanіe...

— Съ нами крестная сила!—сказалъ мужикъ въ платкѣ и перекрестился.

— Это волки!—продолжалъ онъ. Только волютъ они какъ-то протяжные не то, что у насъ въ степи. Надо сильнѣе разжечь костеръ на ночь! А то какъ бы еще Мишка не пожаловал!

— Вы думаете, волки? Началъ красноречивый парень, кутаясь въ полушубокъ и вематриваясь блестящими, воспаленными глазами въ сторону болота... Ха-ха-ха... Это дѣшій... Онъ вышелъ изъ болота и ходитъ по лѣсу... Лица его нельзя разглядѣть... Оно расплывается какъ дымъ...

— А ты вѣдь пригорокъ чаю да ложикъ въ балаганѣ, сказалъ староста артели...

— Надо будетъ подметки поправить! Сапоги-то на дорогу годятся, бормочетъ парень, воображая что онъ среди обычной домашней обстановки.

Онъ ловить что то въ воздухѣ и смѣется, шелка губами. Его берутъ подъ руки, уводятъ въ балаганъ и укрываютъ шубами.

— А что, братцы, говоритъ мужикъ въ платкѣ, если Артамоновъ завтра не придетъ, то надо будетъ потихоньку убраться отсюда?.. Покуда мы еще живы. Тутъ ежели идти на полдень, есть рѣчка, а по рѣчкѣ мы поплывемъ на плоту.

Но староста артели опровергаетъ это легкомысленное предложеніе.

— Какъ можно бросить хозяйскую работу безъ хозяина? паспорта наши у него... Нѣтъ, видно дожидаться надо. Онъ будетъ, безпримѣно будетъ, если не сегодня, то завтра! Платить онъ хорошо, кормитъ ладно... Грѣхъ обижаться!.. а что одинъ изъ насъ померъ, то это воля Божая... Очень ужъ былъ слабый человекъ!

Это мѣткіе, высказанное твердо и положиительно, успокаиваетъ всѣхъ. Они ужидаются, молятся Богу и уходятъ въ балаганъ.

Скоро все вокругъ балагана и внутри его успокаивается... Только больной ворочается съ боку на бокъ и бормочетъ обрывки фразъ, вызываемыхъ на уста обрывками мыслей, рождающихся и смѣняющихся одна другой въ разгоряченномъ мозгу.

Луна подыалась высоко надъ лѣсомъ и чертитъ на черныхъ дужкахъ болота серебрястыя узоры; косматые головы кочекъ принимаютъ въ лунномъ свѣтѣ странныя очертанія; кажется, что это—головы людей сидящихъ въ водѣ по шею. Онѣ сверкаютъ глазами, перемигиваются, встряхиваютъ волосами и ведутъ между собой нѣмой разговоръ. А вверху клубится испаренія отъ болота... Тихо беззвучно ползутъ сѣрые, дымчатая фигуры, виснутъ на черныхъ стволахъ стгнившихъ деревьевъ и шевелятъ надъ пылающимъ костромъ своими длинными щупальцами, собираются прикрыть его огромной сырой ладонью...

На свѣжей могилѣ дровосѣка, на пригоркѣ, отбѣнномъ соснами,—стонеть протяжно и глухо не то какая-то лѣсная птица, не то неизвѣстный жителямъ степей таежный звѣрь...

А. Ключе.

Къ рисункамъ.

Ремезовская Сибирская лѣтопись

На прилагаемомъ рисункѣ изображена страница изъ краткой сибирской лѣтописи, названной въ Петербургѣ корреспондентомъ Археологической комиссіи А. Зостомъ въ 1880 г. Рукопись лѣтописи принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ, куда она поступила отъ извѣстнаго историографа Миллера, живаго въ XVIII столѣтіи, совершившаго поѣздку въ Сибирь для собранія историческихъ матеріаловъ и написавшаго сочиненіе «Описаніе сибирскаго царства» т. I, изд. Академіи Наукъ.

Миллеръ досталъ лѣтопись въ Тобольскѣ и составленіе ея приписываетъ тобольскому дворянину Ремезову. Воспроизводя одну изъ страницъ лѣтописи, мы желаемъ дать читателю представленіе какъ о старинномъ писмѣ, такъ и о тѣхъ незамысловатыхъ рисункахъ, которыми авторъ иллюстрировалъ каждую изъ 157 страницъ лѣтописи.

Воспроизводимъ далѣе обыкновеннымъ шрифтомъ текстъ изображаемой лѣтописной страницы: «Ермаку же тогда пребывающему въ Чингидѣ градѣ. Внегда же прислѣ путь струговой, май въ 9 день 7089 году, поплывъ внизъ по Турѣ со всякимъ искусомъ, неспешно. Довѣзавъ до усть Туры рѣки, ту ояидше б князькомъ, Махтакса, Какара, Варварянина, и биаша по многи дни».

Памятникъ Ермаку въ г. Тобольскѣ.

Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ—мраморный обелискъ на гранитномъ основаніи—находится въ Нагорной части города на такъ называемомъ мысѣ Чукамаѣ.

Исторія этого памятника не лишена интереса. Обелискъ предназначался сначала для одного изъ генераловъ 1812 г., но не появился императору Николаю I и былъ оставленъ безъ употребленія. Спустя нѣкоторое время возникла мысль обратиться къ памятнику покорителю Сибири Ермаку.

21 января 1830 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ его постановкѣ, но канцелярская переписка, составленіе проектовъ и другія предварительныя работы продолжались такъ долго, что открытъ памятникъ былъ только въ 1833 г. Мѣсто, выбран-

ное для памятника, принадлежало архіерейскому дому, и за него пришлось заплатить 2000 р., а также уплатить частнымъ владѣльцамъ за сносъ зданий 1880 р. Затѣмъ нужно было подумать о перевозкѣ, что представляло далеко не легкую задачу, такъ какъ памятникъ вмѣстѣ съ укупоркой представлялъ изъ себя солидную тяжесть въ 11723 пуда. Наконецъ 30 ноября 1835 г. огромный транспортъ на 400 лошадей въ сопровожденіи казаковъ Тобольскаго городского казачьяго полка вышелъ изъ Екатеринбургъ и 14 декабря того же года прибылъ въ Тобольскъ. По понадобилось еще почти 4 года на составленіе проектовъ относительно приспособленій для постановки памятника и только 23 августа 1839 года онъ былъ торжественно открытъ въ присутствіи генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, и всѣхъ мѣстныхъ властей.

На сторонахъ памятника высѣчено: на западной—«Покорителю Сибири Ермаку», на восточной—«воздвигнутъ въ 1839 году», на южной—«1581 годъ» и на сѣверной—«1584 годъ».

Чувашскій мысъ на р. Иртышѣ.

Чуваши—историческая мѣстность, гдѣ произошла рѣшительная битва дружины Ермака съ полчищами Кучума Сибирскій лѣтописецъ говоритъ: «и бысть брань вели октября въ 23 день емоушесъ за руки сѣкуе противная своя. Кучуму-же съ горы стрѣляше. Казаки-же огнемъ множество понашае безъ исцѣленія убиваше».

Новости наукъ и изобрѣтеній.

Сенсационное изобрѣтеніе въ области скульптурнаго.

Вѣдѣте того, чтобы идти снимать къ фотографу съ цѣлью одарить своихъ друзей своими портретами, дама, которая желаетъ вполнѣ слѣдовать модѣ, теперь, по словамъ «Daily Mail», просто пойдетъ къ скульптурографу и закажетъ нѣсколько своихъ бюстовъ, выполненныхъ новой и замѣчательной машиной, изобрѣтенной въ прошломъ мѣсяцѣ въ Италіи и введенной въ Англію извѣстнымъ писателемъ. Коннаръ Дольметъ.

Существовали, разумѣется, и раньше скульптурныя машины, но они всѣ были лишь механическими подражателями рѣзцу и молотку скульптора. Новая машина работаетъ совместно съ другой системой и, подобно всѣмъ успѣшнымъ нововведеніямъ, такъ проста, что слѣдуетъ удивляться, какъ объ ней раньше не подумали.

Если дама желаетъ убѣдочнѣе свои черты въ мраморѣ, она въ ближайшемъ будущемъ будетъ имѣть возможность посѣтить мастерскую, гдѣ такъ же легко можетъ заказать бюстъ, какъ въ настоящее время дожику кабинетныхъ портретовъ. Она сперва вводитъ въ прѣмиумъ, содержащую многочисленные экземпляры работъ механическаго скульптора и выбираетъ позу и обстановку, въ которой ей было-бы желательно убѣдочнѣе себя.

Потомъ ее проводятъ въ мастерскую, гдѣ, вмѣстѣ давно знакомой камеры, стоитъ большая машина. Она занимаетъ комфортабельное кресло и удобно устроенная опора для головы даетъ ей возможность сидѣть вполнѣ спокойно. Тогда художникъ садится противъ нея и, беря въ руки длинный рѣзецъ, очень осторожно соприкасаетъ его съ ея лицомъ. Медленно и почти неощутительно онъ проводитъ рѣзцомъ по всѣмъ чертамъ лица и въ то время, какъ онъ скользятъ по нимъ, управляемый механизмомъ другой рѣзецъ двигается по мрамору, медленно высѣкая изъ его формы лица «модели».

Удивительное чувство испытываетъ при видѣ того, какъ постепенно выступаетъ мраморный обликъ. Сперва показывается носъ, затѣмъ ясно начинаютъ выдѣляться лобъ и подбородокъ, между тѣмъ какъ излишекъ мрамора обращается въ пыль. Легкая рука скульптора направляетъ рѣзецъ на глаза и послушный механизмъ слѣдуетъ каждому его движенію на мраморѣ, придавая твердому камню всѣ очертанія живой «модели».

Въ настоящее время имѣется въ Лондѣнѣ машина, дающая двѣ копии одновременно, но при нѣкоторой отдѣлкѣ она будетъ давать четыре копии и болѣе.

Бюстъ, для исполненія котораго требовалось обыкновенно не менѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, можетъ быть исполненъ машиной въ двухъ копияхъ въ одинъ день, такъ какъ онъ требуетъ лишь простой отдѣлки полировальной бумагой послѣ того, какъ вышлеть изъ машины. (Нижел. Листъ.)

Поправка. Въ статьѣ «Поминки у киргизъ», приложеніе къ № 200 вѣсто «холовая пѣсня» напечатано «хоровая пѣсня». Дѣлаю эту поправку, такъ какъ у киргизовъ хоровыхъ пѣсень нѣтъ. Д. В. Митревъ.

Отъ редакціи. Предназначившійся въ настоящій №-рѣ рисунокъ знамени дружины Ермака на поляхъ журнальскіхъ фотографій съ оного отлагается до слѣдующаго №-ра.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.